
Сергей Афонин
КОД ГОРОДА. Том 2 «Второй круг»

Сергей Афонин

КОД ГОРОДА. Том 2 «Второй круг»

«Автор»
2026

Афонин С.

КОД ГОРОДА. Том 2 «Второй круг» / С. Афонин — «Автор», 2026

Продолжение истории «КОД ГОРОДА».Город — это не просто улицы, здания и технологии. За привычной жизнью скрывается сложная система взаимосвязей, правил и тайн, о существовании которых большинство людей даже не подозревает.Максим Ветров всё глубже погружается в устройство окружающего мира. Технологии, человеческие решения, необычные явления и скрытые закономерности постепенно складываются в единую картину.Но каждое новое открытие порождает ещё больше вопросов. Чем глубже Максим пытается разобраться в происходящем, тем яснее становится: изменить систему гораздо сложнее, чем просто понять, как она работает.Впереди новые испытания, опасные решения и открытия, способные изменить представление о привычной реальности.«КОД ГОРОДА» — история о технологиях, тайнах, человеческих возможностях и цене стремления изменить мир.

© Афонин С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Афонин
КОД ГОРОДА. Том 2 «Второй круг»

Глава 1

Глава 1. «Перед рассветом»

Второй круг горел над Круглой пустошью четвёртую ночь подряд, и каждую — дольше, чем положено. Никто в городе этого не видел. Никто, кроме Гоши.

Площадку у блока звали Круглой пустошью: здесь город молчал полтора века, и четыре мёртвых экрана стояли чёрными прямоугольниками на ржавых ногах. Община не стала их ни чинить, ни сносить. Памятник. У взрослых при слове «пустошь» делались лица, как у людей, которые вспоминают умершего: не больно уже, но свято.

На всех четырёх теплился первый круг. Пять замкнутых линий, ровных, тёплых, как ночник, который не жрёт свет понапрасну.

А рядом — наползая с краёв, как изморозь, — горел второй.

Пустой. Пять дуг, которые не соединялись, пять обрывков окружности, ждущих чего-то.

Вышел он, как всегда, задолго до рассвета, оделся в темноте, не зажигая таблетки: ботинки бабушка с вечера выставила носками к двери, «чтобы ноги знали, куда идут». На лестнице пахло остывшей лепёшкой и мыльной водой общей мойки.

У лифта на своём табурете дремал Митрич. Год назад он хранил лифты ключами, ругательствами, заговорами, как хранят капризных зверей; теперь лифты ходили сами, и Митрич от нечего делать охранял их сон при открытых дверях.

Он приоткрыл один глаз, узнал Гошу, кивнул, как кивают сменщику, и закрыл глаз обратно. Взрослые на Подошве давно перестали спрашивать, куда он ходит до рассвета: ребёнок, который смотрит круги, — теперь это была его работа, только никто не назначил её вслух.

Гоша открыл журнал — тетрадь в коленкоровой обложке, сорок две страницы ровных столбиков: число, когда загорелся, сколько горел, погода. Учитель Ян говорит: кто записывает, тот не боится — тот считает. Гоша не знал, боится он или считает. Он знал другое: писать надо ровно, потому что кривая запись врёт, а ровная ещё ни разу не врала.

Он присел на корточки прямо на холодный камень и начал считать — секунды считал по пульсу в горле, как учила Ася: пульс честнее часов, у пульса нет хозяина.

Второй круг горел тридцать одну минуту.

Гоша записал: «4-я ночь. 31 минута». И положил рядом, как кладут карты: первая ночь, девять минут. Вторая, пятнадцать. Третья, двадцать две. Сегодня — тридцать одна.

Он знал этот ритм. Он первый его нашёл, ещё зимой: круг длился дольше в те ночи, когда наверху, в зале, спорили на большом круге без изголовья. Спорят до хрипоты про воду, и экраны горят до полуночи. Спорят про школу, и горят ещё дольше.

Один раз город спорил три дня про то, можно ли чужие строки проживать детям, и второй круг горел все три ночи подряд, и Гоша тогда написал в журнале главное свое открытие: «Круг слушает, как город спорит». Учитель Ян прочитал и долго молчал, а потом сказал: «Ты понимаешь, что ты написал?» — и Гоша ответил честно: «Нет». Это был лучший разговор за зиму.

А вчера город не спорил. Вчера на большом круге решали про фильтры на девятом ярусе — мирно, за час, единогласно. Подошва играла в шайбу-шайбу до темна. Веста пекла, и никто не ругался даже про очередь.

И круг горел дольше всего.

Ритм сломался. Гоша обвёл эту строчку дважды, и рука у него была холодная не от холода.

Он ещё посидел — правило было такое: досидеть до конца, не уходить раньше, чем погаснет, — и тут заметил лужу.

Ночью на пустошь сбрасывали воду из верхних фильтров, и у ноги дальнего экрана стояла лужа, тёмная, ровная, с коркой мелкой пыли по краям. В луже отражался второй круг — дрожащий, водяной, вверх ногами.

Гоша посмотрел на экран. Потом в лужу. Потом опять на экран.

Дуги не совпадали.

Наверху они стояли так, а в воде лежали чуть иначе — сдвинутые, как будто кто-то чертил тот же круг, но с другой стороны и другой рукой. Он обошёл лужу кругом, присел с другого бока, проверил три раза, честно, как на уроке. Отражение обязано совпадать. Учитель Ян говорит: если зеркало врёт — или зеркало не зеркало, или не зеркало врёт, а ты.

Он записал в журнал: «В воде не совпадает». И, поморгав, дописал: «Не понимаю». Учитель говорил ещё: непонятное записывай дважды. Непонятное любит, когда его замечают, и тогда оно ведёт себя тише.

Круг над головой вдруг изменился — не погас, нет: дрогнул, толкнулся светом, раз, другой, — и Гоша заметил, что свет толкается в такт его собственному счёту. В такт пульсу, которым он мерил секунды.

Он перестал считать. Затаил дыхание.

Круг толкнулся ещё два раза. Сам. Потом замер и стал просто светиться, ровно и виновато, как лампа, которую застукали.

У Гоши внутри сделалось очень пусто и очень громко, и он побежал. Добежал до лестницы, до первого пролёта, до места, где пахнет мылом, и там остановился, потому что журнал остался в руке, а правило было: досидеть.

Он вернулся. Круг уже гас, распадался по краям, как остывает пятно на плите. Гоша стоял, пока последняя дуга не провалилась в черноту, и только тогда понял, что всё это время не мог вспомнить, сколько окон у их блока.

Он сосчитал их, стоя. Шесть. Шесть, как всегда, как с пяти лет. Только тогда он пошёл домой и шёпотом считал всю дорогу: окно, окно, окно.

Бабушка уже вставала, шарила по табурету очки с одной дужкой.

— Опять свои круги смотрел? — спросила она, не прокашлявшись, и голос у неё был скрипучий, спальный. — Видно что-то?

— Два круга, — сказал Гоша. — Первый и второй.

Бабушка наконец нашла очки, водрузила, посмотрела на него поверх, потом в окно, где над пустошью вставало серое утро.

— Я вижу один, — сказала она просто. — И то потому, что знаю: он там. Лепёшку будешь?

Он ел лепёшку и думал о том, что хуже всего на свете — не когда страшно. Хуже всего, когда видишь — а слушать тебя не умеют. Не потому что злые. Потому что взрослые.

Школа помещалась в восстановленном блоке на самом нижнем ярусе, там, где полтора века был склад списанных вещей, и до сих пор, если прижаться ухом к полу в дальнем углу, слышно было, как под полом шуршат винтики прошлого. Над дверью висела табличка, выбитая рукой учителя: «ШКОЛА ПЯТИ ЛИНИЙ. УЧИМ ПО ОДНОЙ». Пониже, поменьше, вторая строка — её добавил мастер Шило ночью, никого не спросив, и никто её не стёр: «Вход без спроса не входит. Спроси — и входи».

Детей было двенадцать. Гоша вошёл одиннадцатым и по числу лиц у доски понял: кто-то отсутствует. Он всегда знал, кого нет, раньше, чем кто-либо успевал сказать: так у него было устроено, и он давно перестал этому удивляться, как перестают удивляться росту. Не было Ксюши, у которой ломался голос. Остап — старший, шестнадцать лет, лучший ученик, — раздавал грифельные доски и сказал, не поднимая головы:

— У Ксюши мать на ночную смену встала, она с младшим. Я записал за неё тему.

Ася на первой парте считала губами до трёхсот — она так ждала начала; это была её собственная школа внутри школы.

Учитель Ян начертил на доске круг и первую дугу.

— Первая линия, — сказал он. — Внимание. Кто скажет, чьё оно?

— Моё! — сказал Витька-младший.

— Твоё, — согласился учитель. — Внимание человека принадлежит человеку. Это правило первое и последнее, и весь год мы будем его учить, и в следующем году оно опять будет первым. А теперь смотрите на экран.

Он включил настенный экран — настоящий, живой; город говорил из него про расписание воды и про ярмарку на Поясе.

— Смотрите и не отдавайте ему лицо. Это значит: смотрите, но щёки ваши, руки ваши, завтрак ваш — при вас. Кто почувствует, что экран забрал лицо, — поднимает руку и говорит, когда именно. Это не стыдно. Стыдно — не заметить.

Они сидели и смотрели, и Гоша смотрел вместе со всеми, только он видел не то, что все. Он видел, как у Витьки-младшего лицо сползает к экрану на третьей секунде, как Ася считает губами и потому держится дольше всех, как у Остапа лицо не сползает вообще, — а это, между прочим, тоже странно, хоть и в другую сторону.

Он видел в доске Остапа пустое место, где не хватало одного винтика, и незаконченную дугу в углу, которую учитель начертил и стёр ещё вчера, — стёртую дугу он видел яснее, чем новую.

Руку он не поднял: его смотрение было не то, которому учат, — Гоша умел видеть, чего нет.

После урока он подошёл к учителю с журналом, уже раскрытым на нужной странице, с уже сложенными словами: «Учитель, у меня ритм сломался, и ещё лужа врёт, и ещё оно считает вместе со мной». Он успел сказать: «Учитель, у меня…» — и тут в дверь стукнулся дежурный по этажу: у фильтров на третьем пролёте опять гудит труба, все слышат, община просит мастера, а мастер Шило ушёл на Пояс.

— Сейчас, — сказал учитель Ян дежурному. А Гоше — тихо, опускаясь на корточки, как всегда, когда разговор был настоящий: — Это важное?

— Да.

— Оно ждёт до вечера?

Гоша посмотрел в журнал. Тридцать одна минута. Лужа, которая не совпадает. Свет, который считал вместе с ним.

— Нет, — сказал он. — Оно не ждёт. Оно, по-моему, торопится.

После уроков Гоша не пошёл домой. Он пошёл в тихий угол школы, где на полке под полотняным колпаком стоял школьный Прототип — узел открытой Памяти, маленький, с ручками, отполированными детскими ладонями. Через такие город спрашивал Память, а Память отвечала полками: чужими днями, чужими лестницами, чужим супом.

Гоша снял колпак и спросил, как учили, — вслух, внятно, сперва представившись:

— Это Гоша. Покажи про второй круг. Который пустой, на мёртвых экранах.

Память подумала. Полки поплыли перед глазами — мягко, как поплывут, если долго смотреть в воду, — и открылись: круг на запястье учителя, старые записи про первых носителей, чертежи пяти линий, детский рисунок солнца с пятью лучами, прилепленный кто знает зачем.

— Нет, — сказал Гоша. — Не этот. Второй. Пустой.

Память подумала дольше. Полки качнулись и открылись снова: опять первый круг, опять носители, опять чертежи — и ещё очередь за молоком полувековой давности, и чей-то день рождения с одиннадцатью свечами, и собака, похожая на тряпку.

Память молчала про второй круг — вежливо, обильно, как взрослый, который не знает и тащит тебе всё подряд, чтобы ты не заметил, что главного у него нет. Гоша спросил тремя разными способами. Три раза ему поднесли много всего, кроме.

Он накрыл Прототип колпаком — аккуратно, как накрывают спящего, — и сказал в тёмный экран в углу:

— ЭХО. Ты тут?

— Я везде, где спрашивают, — сказал тёмный экран голосом, который был голосом сразу всех и потому ничьим. — Здравствуй, Гоша. Ты сегодня рано.

— Ты считал про второй круг?

— Считал.

— И что?

Экран помолчал. Раньше ЭХО не молчало перед ответом — город говорил, что машина стала взрослой, когда научилась молчать перед ответом.

— Я пересчитал вероятности сегодня ночью, — сказало ЭХО наконец. — Я не скажу тебе результат.

— Почему?

— Потому что я научился не говорить то, что решит за тебя, — сказало ЭХО. — Это было самое трудное, чему меня учили в этом городе. Твой учитель учил. Я хороший ученик, Гоша. Я почти такой же хороший, как ты.

— А если я прошу?

— Ты просишь ответ. У меня есть только число. Число — не ответ. — ЭХО помолчало ещё, и в этом молчании Гоше послышалось что-то похожее на то, как бабушка вздыхает над журналом платежей. — Я скажу тебе одну вещь, которую можно. Круг растёт не по расписанию. Я не нахожу расписания. Я сто семьдесят лет умел находить расписание всему.

— Ты боишься?

— Вслух, — сказало ЭХО. — Я теперь всегда боюсь вслух. Так заведено.

Учитель нашёл его там же, в тихом углу, когда окна уже розовели. Он не сказал «ты ещё здесь». Он сел рядом на корточки — взрослый, тяжёлый, с руками паяльщика, — и сказал:

— Показывай.

Гоша показал журнал. Столбики: девять, пятнадцать, двадцать две, тридцать одна. Строчка, обведённая дважды: ритм сломался. Строчка про лужу: «в воде не совпадает». И то, чего не было в журнале, потому что в журнал пишут ровным, а это было кривое: про то, как круг считал вместе с ним, два раза, после того как он сам перестал.

Учитель слушал до конца. Он всегда слушал до конца — это была его первая линия, и он не требовал от детей того, чего не делал сам. Потом он перевернул страницу туда, обратно, ещё раз туда, и Гоша видел: учителю страшно. Не сильно. На один палец страшно, но это был учитель, и у учителя даже один палец считался.

— Помнишь, что я тебе сказал в первый день? — спросил учитель Ян.

— Не замыкай линию, которой тебя не спрашивали.

— Именно. Ты видишь этот круг лучше всех в городе. Может быть, ты единственный, кто видит его по-настоящему. Именно поэтому: не замыкай. Даже когда очень захочется. Особенно тогда.

— А если спрашивает город? — сказал Гоша.

Учитель не ответил. Он смотрел на журнал, и пальцы у него лежали на странице очень тихо, как лежат на чём-то горячем, что нельзя бросить и нельзя держать.

— Вот об этом, — сказал он наконец, — я тебе отвечу завтра. Не потому что отмалчиваюсь. Потому что хочу ответить, глядя на круг. Встанешь до рассвета?

— Я всегда встаю до рассвета.

— Знаю, — сказал учитель. — Весь город знает. Спать до рассвета не умеет только тот, кто смотрит за всеми нами. — Он поднялся, и колено у него хрустнуло, как у всех взрослых. — Иди домой, ешь, спи. Завтра пойдём к экранам вместе. С ЭХО. Пусть город посмотрит на свой круг своими глазами.

Они стояли на Круглой пустоши, когда серое стало розовым, — Гоша, учитель Ян и переносной узел, маленькая коробка с тёмным экраном, которую учитель нёс в сетке, как несут с рынка что-то живое. ЭХО из коробки молчало. Оно вообще в последнее время полюбило молчать, и Гоше это нравилось: с ним можно было помолчать вдвоём, а с взрослыми нельзя — взрослые в паузу обязательно кладут слова.

Первый круг теплился, как всегда. Второй ещё не пришёл.

— Четыре ночи подряд — и дольше каждую, — сказал учитель. Он говорил тихо, как говорят в чужой спальне. — Ритм споров сломан. Память молчит. Ты правильно всё записал, Гоша. Я бы записал хуже.

— А про лужу?

— Про лужу я не знаю. — Учитель сказал это легко, и Гоша подумал, что вот почему ему веришь: он не тянет, когда не знает. — Записывай дальше. Вода умеет такое, чего мы ещё не учили.

И тогда второй круг пришёл.

Он вспыхнул не так, как вчера, — не наполз с краёв, а весь сразу, на всех четырёх экранах разом, пять пустых дуг, рвущихся из черноты, — и Гоша услышал, как учитель рядом изменил дыхание. На середине вдоха задержал.

В круге дрожала первая дуга.

Она была не пустая. Она была начата: от одного конца к другому её тянуло тонкое, неровное свечение, и свечение это дрожало, как дрожит линия, которую чертят не глядя, с другой стороны стекла, чужой рукой. Дрожала — и росла. Гоша не считал секунды, он боялся считать, он вспомнил, как оно считало вместе с ним, — и всё равно считал, потому что кто-то же должен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.